

мов M является минимально необходимым для задания содержащихся в текстах нормативно-правовых документов декларативно-регулятивных функций; множество естественно-языковых формализмов M является достаточным для задания содержащихся в текстах нормативно-правовых документов декларативно-регулятивных функций. Следовательно, можно утверждать, что предложенное в данной работе множество естественно-языковых формализмов $M = \{ \mathcal{P}_D, \mathcal{P}_O, \mathcal{P}_Y \}$ является минимально необходимым и достаточным для описания содержащихся в любых текстах нормативно-правовых документов декларативно-регулятивных функций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Иванов И.Г., Иванова Е.Г.* Естественно-языковые средства задания нормативно-регулятивных функций / Известия ТРТУ. Тематический выпуск «Управление в экономических системах». – Таганрог: ТРТУ, 2006. № 10. С. 45–51.
2. *Иванов И.Г., Иванова Е.Г.* О задании функций нормативного регулирования в социальных и технических системах с помощью естественно-языковых формализмов / Материалы первой всероссийской конференции «Искусственный интеллект: философия, методология, инновации». – М.: МИРЭА, 2006. С. 125–128.
3. *Морозова Л.А.* Теория государства и права. – М.: Эксмо, 2005. 448 с.
4. *Черданцев А.Ф.* Специализация и структура норм права / Правоведение. № 1. 1970.
5. *Алексеев С.С.* Государство и право. – М.: Юридическая литература, 1994. 192 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. Ярцева В.И. – М.: Большая российская энциклопедия, 2002. С. 507.
7. Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. Кузнецов С.А. – СПб.: Норинт, 2002.

В.А. Жабский

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СТРАН СНГ

Вопрос о принятии норм государств – членов СНГ, в частности уголовных, нельзя рассматривать без механизма их имплементации (осуществления). В международном праве этот термин приобрел широкое значение, которое, как юридическое понятие, с одной стороны, означает осуществление, выполнение, а глагол «to implement» с английского означает «проводить в жизнь» [1. С. 20], с другой – уже как существующая уголовно-правовая норма или (чаще), вводимая новая норма национально-уголовного закона, адаптируется законодателем во исполнение международного договора [2. С. 193].

По мнению О. Ведерниковой, механизм имплементации норм международного права в национальном законодательстве представляет собой совокупность специальных мер, направленных на реализацию международных обязательств, включающих инкорпорацию, гармонизацию и унификацию международного и национального права [3. С. 12].

Следует отметить, что механизм имплементации не такой уж и простой, как может показаться на первый взгляд, и отношение к ней неадекватно. Так, например, А.М. Иванов и А.Г. Корчагин пишут: «С одной стороны, обращение к иностранному праву расценивается, как пустая трата времени, ... с другой стороны, высказываются опасения искажения собственной правовой системы в результате возможных необоснованных поспешных заимствований из других систем» [4. С. 7]. И

здесь же высказывают свое отношение к изложенному выше: «Вряд ли стоит принимать такие аргументы всерьез, поскольку в настоящее время в период постоянного увеличения международных связей о полном обособлении национальной правовой системы от внешнего влияния не может быть и речи. К тому же, даже международные нормы при разрешении коллизий предусматривают, как правило, знание иностранного закона и обращения к нему...» [4. С. 7].

Однако в теории права принцип превалирования международного права над национальным не является единственным и бесспорным. Она соседствует с дуалистической концепцией и концепцией примата внутригосударственного права [5. С. 274]. «Последняя имеет конституционное обоснование в виде положения о высшей юридической силе Конституции, прямом действии и применении на всей территории страны (п. 1 ст. 15)», – пишет О. Ведерников [3]. О.И. Тиунов на сей счет пишет: «...Если обнаруживается противоречие между международным договором Российской Федерации и ее Конституцией, то оно разрешается в пользу Конституции на том основании, что она имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей российской территории. Принцип верховенства положений Конституции РФ не допускает верховенства правил международного договора в отношении нее самой в случае противоречия между ними» [6. С. 15]. Указанное обстоятельство необходимо учитывать при оценке конституционности таких законов и иных нормативных актов, «которые хотя и были бы приняты с целью имплементации взятых на себя государством международных обязательств, но последние вступили бы в противоречие с самой Конституцией», – пишет он далее [6].

«Таким образом, – констатирует О. Ведерникова, – необходимость имплементации норм международного права следует оценивать с позиций принципа верховенства Конституции РФ и концепции примата внутригосударственного конституционного права над международным ...Поэтому нормы международного права, противоречащие Конституции РФ, имплементации не подлежат» [3. С. 12].

Формы закрепления приведенного принципа в уголовном законодательстве стран СНГ не отличаются единообразием. Диапазон законодательного решения этого вопроса широк – от полного отсутствия соответствующего положения в УК Беларуси до абсолютно декларативного (УК РФ) либо относительно декларативного (УК Украины) его закрепления в законе.

Признание уголовно-правовых положений международных договоров частью национального законодательства создает технико-юридическую проблему «перевода» этих положений на язык уголовного права. Возникает вопрос, как практически включить соответствующее положение международного документа в текст уголовного закона, не нарушив при этом архитектуру последнего со всеми вытекающими из такого нарушения последствиями: искажение смысла закона, противоречия, коллизии, конкуренция и др. Причем проявляются два самостоятельных аспекта этой проблемы. Первый: как в уголовном законе детализировать положения национальных конституций о примате международно-правовых норм над национальными; и второй: как сформулировать в уголовном кодексе отдельные уголовно-правовые нормы, вытекающие из международно-правовых актов – дословно по тексту этих актов или в традиционном для национального законодательства стиле.

Например, в УК Беларуси эта задача вообще не решается. В соответствии ч. 2 ст. 1 УК РБ ее уголовное законодательство основывается на «общепризнанных принципах и нормах международного права», то есть предложено чисто декларативное решение вопроса. В УК Украины поставленная задача решается, хотя и более конкретно, но все же не до конца. Например, вместо того чтобы конкретизировать, «при-

землить» конституционное положение, что действующие международные договоры, согласие на обязательность которых дано Верховной Радой, являются частью национального законодательства Украины (ст. 9 Конституции Украины), и тем самым открыть возможность его практического применения. В ч. 5 ст. 3 УК Украины сформулировано еще более абстрактное, чем в Конституции, положение: «Законы Украины об уголовной ответственности должны соответствовать положениям, содержащимся в действующих международных договорах, согласие на обязательность которых дано Верховной Радой Украины». Вместо правовой нормы, «прозрачной» для правоприменения, сформулирован лозунг, обуславливающий дополнительные вопросы:

1) что если национальный закон не будет соответствовать международным договорам и где мера этого соответствия?

2) какие правовые последствия такого несоответствия?

По нашему мнению, можно было бы включить в текст УК следующую формулировку: «Уголовно-правовые предписания действующих и ратифицированных международных договоров являются частью уголовного законодательства Украины с момента их включения в настоящий Кодекс».

Вторая задача по имплементации международного законодательства в национальное также не имеет единого варианта решения. Сторонники одного подхода к ее решению считают, что текст международного договора следует включать в национальное законодательство дословно. Представители второй точки зрения утверждают, что в национальное законодательство следует включать не «букву», а «дух» международного договора, т. е. не форму, а содержание. Применительно к уголовному законодательству с последними, на наш взгляд, следует согласиться. Дословное перенесение текста международного документа в национальное уголовное законодательство нарушит архитектуру последнего, поскольку язык международных документов весьма специфичен и не отличается точностью формулировок, характерной для уголовного права. Главное в имплементации – сохранить смысл международного договора, его форма может и должна изменяться, подчиняясь правилам национальной юридической техники и соответствующим традициям.

Анализ уголовных кодексов государств – участников СНГ позволяет автору сделать вывод, что вторая задача по имплементации решена в них более удачно, чем первая. Тексты международных договоров, содержащих уголовно-правовые положения, «переведены» на уголовно-правовой язык, не потеряв при этом изначального смысла. Это обеспечивает единство терминологии, не нарушает архитектуру закона и удобно для национального правоприменителя.

Полагаем, что система правовых инструментов имплементации стандартов Содружества должна включать в себя сами межгосударственные соглашения, содержащие правовые нормы, которые подлежат обязательному исполнению государствами-участниками.

К организационно-правовым инструментам имплементации Содружества можно отнести деятельность его статусных органов, организаций.

В соответствии с установившимися правилами для реализации положений соглашений государств могут существовать две возможности:

а) государство принимает национально-правовые нормы с целью реализации первых;

б) оно санкционирует применение самих положений соглашения (договоров, конвенций и т. п.).

В первом случае (национально-правовой инкорпорации) на основе и во исполнение положений договора (соглашения) должны издаваться новые правовые нормы,

которыми изменяются либо отменяются существующие. Во втором случае реализации положений договора (соглашения) в национальном законодательстве могут применяться отсылочные нормы, санкционирующие применение договоров стран.

Таким образом, приведение внутреннего законодательства в соответствие с обязательствами возможно, по мнению автора, путем создания, изменения или отмены нормы национального права, объективированной, возможно, в двух источниках, один из которых – союзный договор СНГ, а другой – УК государств Содружества.

Источником унифицированной нормы следует признать республиканский закон, в котором содержится бланкетная формула, и союзный договор (соглашение), в котором изложено правило поведения. «Каждый из указанных актов, – отмечает Ю.В. Трунцевский, – предлагается именовать частичным источником унифицированной нормы» [1. С. 20]. Унификация права, в зависимости от конкретных условий, может проводиться в таких формах, как заключение международных договоров, принятие модельных законодательных актов, применение примерных договоров международных организаций, исследование международных обычаев и др. [7. С. 130].

На наш взгляд, для стран СНГ наиболее приемлемой формой унификации их уголовного законодательства является создание Модельного УК. Это обуславливается имеющимся опытом. Реализация в большинстве своем норм Модельного Уголовного кодекса (Рекомендованного законодательного акта для Содружества Независимых государств) 1996 г. свидетельствует о его авторитете для законодателей стран – участниц Содружества. В настоящее время после принятия новых УК во всех государствах СНГ возникает необходимость во внесении определенных изменений и дополнений в Модельный УК с учетом законодательного опыта и практики каждого из государств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Трунцевский Ю.В.* Международное пенитенциарное право: Лекция. – М., 2001.
2. *Кабальник А.Г.* Введение в международное уголовное право. – Ставрополь, 2001.
3. *Ведерникова О.* Международное уголовное право: проблемы имплементации // Уголовное право. 2003. № 3.
4. *Иванов А.М., Корчагин А.Г.* Сравнительное уголовное право: Учебник. – Владивосток, 2002.
5. Проблемы теории государства и права: Учебное пособие / Под ред. М.Н. Марченко. – М., 2002.
6. *Тиунов О.И.* Решения Конституционного Суда РФ и международное право // Российская юстиция. 2001. № 10.
7. *Тихомиров Ю.А.* Курс сравнительного правоведения. – М., 1996.

С.А. Меликян

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОСТОЯНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ В ЮЖНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

Анализ уголовной статистики России приводит нас к выводу о наметившейся стабилизации роста преступлений. Так, зарегистрировано преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их участии, в 1999 г. – 208 178, 2000 г. – 195 426, 2001 г. – 185 379, 2002 г. – 187 221, 2003 г. – 145 786, 2004 г. – 151 890.